

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО СЛОВА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

SEMANTICS OF A RUSSIAN WORD IN THE ASPECT OF TRANSLATION

ВЕРОНИКА РАЗУМОВСКАЯ

ABSTRACT. The paper deals with the problem of poetic translation. The discussion is based on several universal linguistic and translation categories: meaning, sense, expression, form and the unit of translation. The semantic and cultural peculiarities of Russian words in the novel *Eugene Onegin* in the aspect of translation are described.

Вероника Разумовская, Красноярский государственный университет, Красноярск – Россия.

Длительная история развития переводоведения в прикладном и теоретическом планах, включающая в себя разнообразные трактовки способов, приемов, методик, единиц перевода, в конечном итоге представляет собой поиски закономерностей, реально существующих между формой и содержанием исходного текста и аналогичными категориями текста переводного.

Категории *форма* и *содержание*, входящие в категориальное поле как переводоведения, так и лингвистики, восходят к категориям философским. Рассмотрение переводческих категорий в лингвистическом и философском аспектах помогло решить многие переводческие проблемы или наметить пути их решения.

Рассуждения исследователей переводческой тематики в рамках указанных выше категорий позволили сформулировать рабочую версию многогранной проблемы, поиски решения которой возможны через призму лингвистики: есть нечто, что обеспечивает сохранение и перенесение в переводной текст значений единиц исходного текста, необходимо узнать, какими способами и приемами передается смысл исходного текста и как осуществляются поиски передачи формы исходного текста при переводе.

Ключевыми в данной формулировке выступают категории *смысл* и *значение*, объединенные гиперонимической категорией *содержание*. В ситуации межъязыкового перевода эквивалентность с точки зрения семасиологов, структуралистов и логиков устанавливается, прежде всего, с позиций категории *смысл*¹.

¹ См.: А.В. Бондарко, *Уровни семантики*. В: *Университетское переводоведение. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению „Федо-*

Категории *смысл* и *значение* тесно связаны друг с другом, и приоритет смысловой категории в поисках межъязыковой эквивалентности не означает отказа от рассмотрения в данном аспекте смежной категории. Вслед за А.В. Бондарко, мы исходим из того, „что *значение* – это содержание единиц и категорий данного языка, включенное в его систему и отражающее его особенности. Различные комбинации значений языковых единиц реализуются в речи в составе вербально выраженного содержания высказывания. В отличие от значения, *смысл* – это содержание, не связанное лишь с определенной единицей или системой единиц данного языка. Общие элементы смысла при различиях в интерпретации, заключенной в языковых значениях, представлены в инвариантных элементах синонимичных высказываний, а также в содержании высказываний, сопоставляемых в условиях межъязыковой эквивалентности (как правило, неполной). Они выявляются в процессе и в результате перевода с одного языка на другой”².

Поиски инвариантного смысла в переводе неминуемо приводят к необходимости определения понятия *единица перевода*.

Проблема выделения единиц перевода относится к одной из самых дискуссионных и сложных проблем современной теории перевода. Различные подходы к решению обозначенной проблемы были описаны уже в работе канадских лингвистов Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, где исследователи справедливо отметили, что „поиск операционных единиц является одной из основных процедур всякой науки, а часто и самой спорной. Так же обстоит дело и в переводе”³. В течение практически полувека, прошедшего после выхода в свет монографии Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, вопрос о единице перевода так и не получил однозначного решения⁴.

В данной работе мы не будем детально рассматривать и сопоставлять все существующие определения понятия *единица перевода*, поскольку данному вопросу уже посвящены и будут еще посвящены специальные исследования и обзоры научной литературы. Мы разделяем точку зрения исследователей, признающих факт существования такой категории переводоведения как *единица перевода*⁵, считающих данную единицу онтологической реальностью и существующей сущностью. Вслед за Р.К. Миньяр-Белоручевым, мы счита-

ровские чтения”. Санкт-Петербург 26–28 октября 2001 г., вып. 3, Санкт-Петербург 2002, с. 73–83; Г. Е г е р, *Коммуникативная и функциональная эквивалентность*. В: *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*, Москва 1978; А.И. М е л ь ч у к, *Опыт теории лингвистических моделей „смысл – текст”*, Москва 1999; R. J a k o b s o n, *On Linguistic Aspects of Translation*. В: *On Translation*, Harvard University Press, Cambridge 1959, с. 232–239.

² А.В. Б о н д а р к о, указ. соч., с. 73.

³ J.-P. V i n a y, J. D a r b e l n e t, *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*, Paris 1958, с. 36.

⁴ См.: Н.К. Г а р б о в с к и й, *Теория перевода*, Москва 2004, с. 247–263.

⁵ Там же.

ем единицу перевода единицей динамической, процессуальной, единицей, относительно которой переводчик принимает решение на перевод⁶. Объем подобного рода единицы и принадлежность ее составляющих к какому-то одному языковому уровню не являются фиксированными. Осуществляя снятие семантической информации с оригинального текста, переводчик может оперировать единицами перевода различного объема. В переводческий анализ, позволяющий обеспечить наиболее полную эквивалентность и адекватность перевода, вовлечены единицы различного объема, и при вторичном и последующих обращениях переводчика к оригинальному тексту снятие семантической информации может происходить со всего текста, входящих в его состав сверхфразовых единств, предложений, слов, морфем, звуковых сочетаний. Р.К. Миньяр-Белоручев считает, что переводчик „...воспринимает [...] смысловое целое и лишь потом, в процессе перевода, дробит это целое на части в зависимости от тех действий, к которым он вынужден прибегать для выполнения своей задачи”⁷. Многократное обращение переводчика к оригиналу, рекуррентность переводческого процесса и обеспечивает возможность переменного объема единиц перевода.

Категория *единица перевода* является универсальной переводческой категорией и может использоваться для описания процесса перевода текстов как с общеинформативной направленностью, так и текстов художественных. Однако выделение единиц перевода и их смыслового содержания может иметь различную степень сложности.

Интересные рассуждения по данному вопросу мы находим у Дж. Серля⁸, который пишет, что наиболее простыми будут случаи, когда говорящий строит предложение и имеет намерение сказать именно то, что он говорит. Намерением говорящего в данном случае является создание определенного иллюкативного эффекта для слушающего, и все усилия говорящего направлены на то, чтобы слушающий понял намерение говорящего. К более сложным случаям Дж. Серль относит примеры намеков, метафор, инсинуаций, когда значение предложения и значение высказывания не совпадают. Дж. Серль считает, что практически все значительные произведения художественной литературы содержат *сообщение* и *сообщения*, которые передаются посредством текста, но в тексте не представлены⁹.

Подобные случаи выражения значения и смысла требуют специального внимательного анализа.

Остановимся на примерах перевода лексических единиц русского языка, включенных в поэтическую ткань оригинального текста. Лексические едини-

⁶ См.: Р.К. Миньяр-Белоручев, *Теория и методы перевода*, Москва 1996.

⁷ Там же, с. 77.

⁸ См.: J.R. Searle, *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, Cambridge 1979, с. 30–32.

⁹ Там же, с. 74.

цы могут получать статус единиц перевода в случае их ключевой позиции в поэтическом тексте или в ситуации декодирования информации на всех языковых уровнях.

Перевод поэтического текста традиционно является трудной задачей для переводчиков, что породило идею о принципиальной непереводаемости поэтического текста в работах некоторых исследователей¹⁰.

Материалом нашего исследования послужил перевод романа в стихах А.С. Пушкина *Евгений Онегин* на английский язык, выполненный В. Набоковым и опубликованный вместе с объемным комментарием к переводу в 1964 году в США¹¹.

Существуют различные подходы к выделению ключевых лексических единиц в художественном тексте. Данные подходы могут устанавливаться с позиций участников коммуникативного акта. Поскольку создание и восприятие художественного произведения является опосредованным коммуникативным актом, в котором порождение и восприятие может не совпадать во времени и пространстве, то ключевые лексические единицы могут выделяться с позиции как автора художественного текста (адресанта), так и с позиции читателя (адресата). Ключевая позиция лексических единиц может отмечаться автором с помощью метаязыкового комментария, хотя использование любого слова мастером поэзии или прозы никогда не является случайным. Декодируя художественный текст и, в частности, текст поэтический, читатель также строит свое восприятие на основе восприятия словесной ткани текста, хотя данное восприятие может носить только промежуточный характер для проникновения в сложную структуру поэтического образа.

Акт перевода традиционно считается разновидностью классического коммуникативного акта, количество участников которого увеличивается за счет включения в данный коммуникативный акт еще одного участника – переводчика, одновременно выступающего в роли промежуточного адресата и промежуточного адресанта информации. Следовательно, ключевые лексические единицы могут выделяться и с позиции переводчика.

Предпереводческий анализ поэтического произведения, предполагающий аналитический обзор единиц всех языковых уровней, традиционно начинается с анализа лексики¹².

Обращение к комментарию перевода романа в стихах А.С. Пушкина *Евгений Онегин* на английский язык позволяет определить лексические единицы,

¹⁰ См.: V. N a b o k o v, *Problems of Translation: Onegin in English*, „Partisan Review” 1955, nr 22; R. J a k o b s o n, указ. соч.

¹¹ А. P u s h k i n, *Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by V. Nabokov*, vol. I: *Introduction and Translation*, Princeton 1990; А. P u s h k i n, *Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by V. Nabokov*; vol. II: *Commentary and Index*, Princeton 1990.

¹² См.: Р.Р. Ч а й к о в с к и й, Е.М. Л ы с е н к о в а, *Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов „Лантеры” Р.М. Рильке на 15 языков*, Магадан 2001, с. 17–18.

ставшие для переводчика В. Набокова единицами перевода как в промежуточном (рабочем), так и в итоговом пониманиях.

В своем предисловии к переводу В. Набоков описывает три вида поэтического перевода, используя трехчастную схему: (1) парафрастический перевод; (2) лексический (или конструктивный) перевод; (3) буквальный перевод¹³. Поэтическая форма оригинала в английском переводе В. Набокова не сохранена. Перевод является буквальным, в нем не сохранены схемы рифм, изменен ритмический рисунок. Переводчик избрал путь сочетания буквального перевода с тщательным комментарием переводческих трудностей и переводческих поисков.

Именно буквальный перевод позволил В. Набокову, по мнению Дж. Розенгранта, достичь денотативного, контекстуального и коннотативного соответствия перевода оригиналу¹⁴. Обращение В. Набокова к проблеме значения лексических единиц перевода дало возможность переводчику наиболее полно раскрыть специфику значений данных единиц и передать значения языковыми средствами языка перевода.

Отбор ключевых лексических единиц перевода происходил с использованием так называемого „культурного фильтра”¹⁵, позволяющего концентрировать внимание переводчика на наиболее значимых единицах значения.

Ограниченные рамки статьи позволяют нам остановиться лишь на некоторых примерах, иллюстрирующих поиски В. Набоковым адекватного перевода выделенных единиц.

Строфы XXXVIII и XXXIX четвертой главы оригинала вызвали у В. Набокова трудности в переводе именно в плане значений использованных А.С. Пушкиным слов русского языка:

Прогулки, чтение, сон глубокий,	Rambles, reading, sound sleep,
Лесная тень, журчанье струй,	the sylvan shade, the purl of streams,
Порой белая черноокая	sometimes a white-skinned, dark-eyed girl's
Младой и свежий поцелуй,	young and fresh kiss,
Узде послушный конь ретивый,	a horse of mettle, bridle-true,
Обед довольно прихотливый,	a rather fancy dinner,
Бутылка светлого вина,	a bottle of bright wine,
Уединенье, тишина:	seclusion, quiet –
Вот жизнь Онегина святая;	this was Onegin's saintly life;
И нечувствительно он ей	and he unconsciously to it
Предался, красных летних дней	surrendered, the fair summer days
В беспечной неге не считая,	in carefree mollitude not counting,

¹³ А. Пушкин, *Eugene Onegin*, указ. соч., vol. I, с. 7–8.

¹⁴ J. Rosengrant, *Dimensions of Translation Theory*. В: *Университетское переводоведение*, указ. соч., с. 424.

¹⁵ См.: P. Kwieciński, *Disturbing Strangeness. Foreignisation and domestication in translation procedures in the context of cultural asymmetry*, Toruń 2001, с. 59–70.

Забыв и город, и друзей,
И скуку праздничных затей.

oblivious of both town and friends
and of the boredom of festive devices.

В комментарии к переводу В. Набоков отмечает, что в русском слове „прогулки” содержатся идеи не только о пешей прогулке, но также о прогулке верхом, в целях занятия спортом или для удовольствия. Переводчик считает, что использование единиц „walks” или „promenades” не является удачным, поскольку в их значениях отсутствует сема „верхом”. Выбором переводчика является единица широкой семантики „rambles”, которая может быть использована для номинации как прогулки верхом, так и пешей.

Прилагательное „глубокий” (в сочетании „глубокий сон”) имеет не только значение длительного, продолжительного, спокойного сна, но и сна здорового. В семантический объем данного прилагательного входит и сема „ночной”. В черновике рукописи А.С. Пушкина начало строфы выглядит следующим образом: „Прогулки, ночной сон глубокий”. В целях сохранения аллитерации, представленной в оригинале („Rambler, reading...”), и ее дальнейшего развития, можно было бы употребить английскую единицу „slumber” (‘сон, дремота’): „rambles – slumber”, но отсутствие в семантике „slumber” сем „здоровый”, „глубокий” и „ночной” является причиной выбора В. Набоковым сочетания „sound sleep”. Другой важной причиной своего выбора В. Набоков считает созвучность данной строчки со строкой классика английской поэзии А. Попа, написанной и опубликованной более чем за сто лет до выхода в свет романа в стихах А.С. Пушкина „Sound sleep by night; study and ease”.

В комментарии к переводу мы находим тщательный анализ таких лексических единиц русского языка, как: „лесная”, „журчанье струй”, „белянка”, „младой и свежий” и т.д.

Анализ семантики лексических единиц исходного текста позволил В. Набокову значительно расширить границы переводимости текста А.С. Пушкина и осуществить смысловую трансмиссию оригинального текста в текст переводной. И даже все критические сомнения переводчика позволяют нам оценить его перевод (насколько это будет корректным) с помощью названия одной из наиболее известных работ в области художественного перевода – „Переведено!” („Translated!”)¹⁶.

¹⁶ См.: J. H o l m e s, *Translated! Papers on literary Translation and Translation Studies*, Amsterdam 1988, с. 45–52.